

Произведения Юрия Слепухина
в серии
«Русская литература. Большие книги»

ПЕРЕКРЕСТОК
ТЬМА В ПОЛДЕНЬ
СЛАДОСТНО И ПОЧЕТНО
НИЧЕГО КРОМЕ НАДЕЖДЫ
КИММЕРИЙСКОЕ ЛЕТО
ЮЖНЫЙ КРЕСТ
У ЧЕРТЫ ЗАКАТА
СТУПИ ЗА ОГРАДУ

Юрий Слепухин

У ЧЕРТЫ ЗАКАТА
♦
СТУПИ ЗА ОГРАДУ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
С 47

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Слепухин Ю.

С 47 У черты заката ; Ступи за ограду : романы / Юрий Слепухин. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 880 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30965-4

Романы Юрия Слепухина «У черты заката» и «Ступи за ограду», составившие «аргентинскую дилогию», были начаты еще в Аргентине на испанском языке, но впервые увидели свет на русском, после возвращения писателя на Родину. В основе романа «У черты заката» лежит личная драма талантливого художника Жерара Бюиссонье, которая разворачивается на фоне бурной латиноамериканской жизни. Не добившись признания во Франции, он эмигрирует в Аргентину в поисках «своего зрителя», но сталкивается с тем же непониманием его творчества и нищетой. Отчаявшись, Жерар решает добиться хотя бы финансовой независимости и принимает предложение написать серию картин сомнительного содержания, что приводит его к осознанию своей творческой несостоятельности. И даже встреча с юной Беатрис Альварато, девушкой его мечты, не может предотвратить трагическую развязку... В романе «Ступи за ограду» продолжается история Беатрис, чья жизнь после встречи с Жераром наполняется драматическими испытаниями: искушением страстью, конфликтами с семьей, сомнениями в истинности избранного пути. Оба романа читаются на одном дыхании и овеяны романтикой и глубокой любовью к жизни и людям.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30965-4

© Ю. Г. Слепухин (наследники), 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МЫ ЖИВЕМ
В ДВАДЦАТОМ СТОЛЕТИИ

1

Последний посетитель ушел в четверть десятого; с полчаса салон пустовал, потом появилась молодая пара. Не задерживаясь, они торопливо прошлись вдоль развешанных по стенам холстов и направились к выходу, негромко болтая и пересмеиваясь.

Человек, сидящий на диванчике в углу салона, поднял голову и устало прищурился вслед ушедшим. На больших часах над выходом обе стрелки сошлись на десяти. Да, посетителей больше не будет.

Служитель в серой ливрее вышел из боковой двери и начал выключать софиты. Человек медленно поднялся с дивана. Конечно, не надо было связываться с этой затеей. На деньги, которые уплачены за помещение, он вполне мог бы прожить пару месяцев, если не больше. А теперь? Впрочем, не исключена еще возможность, что завтра что-нибудь купят. Маклеры обычно покупают в последний день выставки, когда художник более сговорчив. Хотя и это маловероятно.

Развешанные вокруг картины — его собственные картины, которые никто не хочет покупать, — вызывали жалость и отвращение. Опустив голову, чтоб их не видеть, он медленно побрел к выходу.

Человек стоял на углу, сцепив за спиной пальцы, и попыхивал трубкой, морщась от горечи дешевого табака. Сотни автомобилей катились мимо непрерывным сверкающим потоком, в глазах рябило от разноцветных вспышек рекламного электричества, из соседнего бара доносились обрывки танцевальной музыки. Шумливая южная толпа, праздная и беззаботная в этот субботний вечер, теснилась вокруг, и в этой толпе он был одинок — словно

отделенный от всех невидимой, но непроницаемой стеной. Да хоть застрелись он сейчас здесь — в самом центре Буэнос-Айреса, на углу Флориды и Коррьентес, — его смерть никого не заинтересует, разве что какого-нибудь безработного репортера...

Трубка погасла, он выколотил ее о каблук и принялся снова набивать табачной трухой со дна кисета. Декабрьская ночь была душной, стены домов и рифленые плитки тротуара щедро отдавали накопленный за день зной. Все казалось бредовым — и эта жара за две недели до Нового года, и воткнутая в черное небо белая, словно раскаленная прожекторной подсветкой, огромная игла Обелиска, и — главное — то, что он сам, Жерар Бюиссонье, стоит сейчас здесь, на этой опутанной неоновым серпантинном улице, за тысячи миль от ближайшего французского порта.

Франция, Париж... Облетевшие каштаны и острые шиферные крыши, лабиринт узких горбатых переулков Монмартра, гул зимнего ветра в мостовых пролетах, медленное движение барж, тысячулетние камни и воздух, этот неповторимый воздух Парижа... Зачем только он оттуда уехал, зачем отправился искать признания на чужбине? Как можно было думать, что тебя поймут и оценят чужеземцы — после того, как не поняли соотечественники...

— Что ж, не ты первый, не ты последний, — пробормотал он вслух, зажигая спичку. — Утешайся хоть этим...

Человек стоял, сутуло опустив плечи, в понурой позе усталого мастера. Но это не была радостная усталость после работы, и она пришла не сегодня и не вчера; уже несколько месяцев, ложась ли спать, просыпаясь ли, он чувствовал себя одинаково усталым — хронически усталым от этой собачьей жизни, от вечного безденежья, от несокрушимого равнодушия публики. И от сомнений, бороться с которыми становится все труднее.

Мы живем в первое десятилетие атомной эры, на переломе самого грозного века человеческой истории. Пятьдесят миллионов убитых в последней войне, Орадур, Дахау, Дрезден и Хиросима; может быть, после всего этого действительно нельзя продолжать жить так, как пытался жить он — таким новым Ван Гогом, — не зная ничего, кроме работы, скитаться по стране с этюдником, вновь и вновь открывая для себя, чтобы запечатлеть на холсте, сказочную прелесть волнуемой степной травы и высоких по-

луденных облаков над равниной Камарги, радужные брызги прибоя, дробящегося о бретонские скалы, сонные заводы на Луаре, бесчисленные оттенки листвы виноградников Шампани... Может быть, это и в самом деле уже никому не нужно? Маршаны, правда, брались выставлять его холсты, похваливали колорит и композицию, но всякий раз при этом давали понять, что рассчитывать особенно не на что. «Вы понимаете, дорогой мэтр, пейзаж — это сейчас не очень...»

Жанровые вещи, написанные на исторические сюжеты, тоже не имели успеха, хотя «Отъезд из Вокулёра» и удостоился, правда, нескольких благосклонных отзывов печати. Ему самому, всегда относившемуся к своим полотнам с придирчивой требовательностью, «Отъезд» нравился даже сейчас, спустя одиннадцать лет. Да, нравился ему, автору, но не публике. И неизвестно, кого же наконец следует отнести к категории ослов: публику или его самого, Жерара Бюиссонье?

Очевидно, приходится признать, что осел — это именно он. И что Дезире была тысячу раз права, когда заявила ему о своем нежелании продолжать игру в романтику и голодать к вящей славе искусства...

Во рту стало горько от попавшего на язык табачного сока. Бюиссонье сплюнул, развинтил и продул трубку, привычным движением пальца умял табак. Да, так она ему и сказала, именно такими словами, в позапрошлом году на Кот-д'Азюр. Поездка в Жюан-ле-Пен, на которую ушли их последние сбережения, была ее затеей, сам он никогда не любил модных курортов...

— Если не ошибаюсь, сеньор Бюиссонье? — раздался за его спиной незнакомый голос, произнесший испанские слова с сильным иностранным акцентом.

Вздрогнув от неожиданности, он обернулся и увидел перед собой незнакомца — крепкого, небольшого роста, в свободного покроя светлом костюме и сдвинутой на затылок панаме.

— Не ошибаетесь, — с некоторым недоумением ответил Бюиссонье. — Чем могу служить?

Незнакомец добродушно улыбнулся:

— О, я просто увидел и взял смелость подойти! Я вчера... как это... имел быть в «Галерия Веласкес», на ваша экспозиция. Мое имя есть Брэдли, Аллан Райбэрн Брэдли.

— Очень приятно... — Бюиссонье пожал протянутую руку, та вцепилась энергично, с деловой хваткой. — Если вам удобнее, мы можем говорить по-английски.

— Неужто умеете? — обрадовался тот. — Тем лучше, будь я негр, не придется выламывать язык. Послушайте, мистер, вы сейчас свободны? Я бы предложил зайти пропустить по глотку — суббота ведь, в такой вечер грех не дать себе разрядку. Как вы на это смотрите?

Жерар ответил не сразу. Пить с незнакомыми он не любил, а тем более пить на чужой счет и не иметь возможности ответить встречным угощением.

— Спасибо, но я... сегодня меня не особенно тянет на выпивку, честно говоря...

— Бросьте, мистер! — Брэдли ободряюще потрепал его по локтю. — Бросьте, говорю, аппетит приходит во время еды. Впрочем, может, вы нацелились подцепить девочку? Нет? Тогда пошли! Пошли, что вам еще делать — вот так одному и торчать на улице?

«Резонный вопрос», — подумал Жерар. Или торчать одному на улице, или возвращаться в обшарпанную мебелирашку в Барракас — сорок минут трястись в трамвае, а потом пробираться плохо освещенным переулком, мимо выставленных на тротуар зловонных мусорных баков. И если вернуться раньше полуночи, то есть риск встретиться с хозяйкой, которой не уплачено за два месяца.

— Идемте, — согласился он. — Вечер у меня и в самом деле не занят.

— ...Вот пить вы, европейцы, определенно не умеете. Нет, я имею в виду настоящие мужские напитки. Куда это годится — сидеть вот так над бутылкой кислятины! Все равно что заниматься созерцанием собственного пупа. Как в Индии, знаете? Есть у них там такие, сидит целый день и созерцает. Поэтому-то вас и сшибли с арены — по недостатку динамизма. Мы в Штатах подходим к этому делу иначе. Время — деньги, верно? Значит, если мне нужно дать себе встряску, я что делаю? Быстро хлопаю стаканчик-другой — вот так, на два пальца бурбону, а сверху сода. И через десять минут душа у меня уже ликует. А пить вино — чистая потеря времени, и потом, это ведь страшно негигиеничный

продукт. Ведь его как делают? Ногами. Ногами, будь я негр! Сам видел во Франции: фермеры лезут прямо в чан с виноградом и топчут его ногами. А ноги-то небось и не мыты, э? Тогда как вот это... — Брэдли протянул руку и пощелкал по горлышку бутылки, — это виски вырабатывается с соблюдением всех правил гигиены, можете мне поверить. Это я тоже видел, как его дистиллируют. Чистота неопишемая! Рабочие в белых халатах, все кругом блестит, трубопроводы из нержавеющей стали — ну просто операционная... Нет, что бы вы ни говорили, а виски — штука гениальная, не хуже водородной бомбы. Главное — действует быстро и безотказно. Вот коктейли эти всякие — это уже ерунда, питье для школьниц. Знаете, когда коктейль бывает полезен? Вот если вам нужно в темпе обработать даму, тогда рецепт простой: два хайбола, одна пластинка танцевальной музыки, и дело сделано. Э? Признайтесь, что вы в Европе до этой техники еще не дошли. Ведь верно?

— Ну как сказать... — Жерар усмехнулся. — Ваше лестное мнение о Европе, боюсь, несколько устарело.

— Да знаю я ее! В сорок пятом — в Германии и Италии — мы, понятно, обходились без музыки. Достаточно было показать банку корнед-бифа. Но тогда была особая ситуация — разруха, голод, сами знаете... Нет, я сейчас говорю о подходе к этим делам вообще. Европейцу, чтобы затащить девчонку к себе в постель, требуется еще целая чертова куча всяких атрибутов — серебряная луна, чувства, охи, ахи... На кой дьявол все это во второй половине двадцатого века? Просто смешно — вдруг требуется какая-то луна. При чем тут луна? Да по мне — провались она в преисподнюю... В конце концов, что мне нужно — луна или девчонка? Согласитесь сами!

Залпом опорожнив свой стакан, он снова долил его до половины и выбросил из кармана на стол пачку сигарет.

Оркестр заиграл французское танго, медленное и печальное. Несколько пар покачивалось на маленькой танцевальной площадке, освещенной цветными рефлекторами. Бюиссонье сидел, прикрыв глаза, мундштуком трубки отстукивая ритм на подлокотнике. Брэдли молча курил и наблюдал за танцующими, потом вдруг снова пришел в возбуждение и ухватил художника за рукав.

— Смотрите, смотрите, — зашептал он громко, — видите ту, в синем? Вот та, что танцует с усатым, — видите? Что скажете, а?

— Да-а, — протянул Жерар, посмотрев на указанную пару. — Действительно, оригинальное лицо... помните боттичеллиевскую Афродиту?

— Идите вы со своим Боттичелли, — отмахнулся Брэдли, — я говорю не про лицо, вы лучше обратите внимание на ее фигуру. Здорово, а? Не тело, а миллион долларов, будь я трижды негр. Чем мне нравится современная мода — это тем, что она — в отличие от всех прежних — раздевает женщину, вместо того чтобы ее одевать. В самом деле, эта девчонка в синем, разве она одета? С таким же успехом могла прийти танцевать в купальном костюме... или вообще без ничего. Молодец она, просто молодец... А у вас, кстати, на одной картине неплохая изображена дамочка...

— У меня?

— Да, там еще билетик был — «продано». Красивая такая блондинка, в длинном платье. Видная женщина.

— А, Изольда. — Жерар улыбнулся: Брэдли начинал забавлять его своей непосредственностью. — Единственный холст, на который нашелся покупатель. Так вам, говорите, она понравилась?

— Да, в моем вкусе. Не люблю, понимаете, этих современных... не знаю даже, как их назвать. Женщина должна выглядеть женщиной, какого дьявола. Только вы позволите одно замечание?

— Сколько угодно.

— А то ведь ваш брат бывает обидчив. Так вот, мне думается, парня в гробу вы туда присобачили напрасно. Публика, Бусс, таких штук не любит. Мрачное напоминание — улавливаете мою мысль? Даже странно, что эту картину купили. Мексиканец какой-нибудь, не иначе.

— Почему — мексиканец? — удивился Жерар.

— А они, сукины дети, такое обожают. Не приходилось бывать в Мексике? Там у детей любимая игрушка — скелетик на веревочке. Дергаешь, а он пляшет. Представляете? Я раз зашел в кондитерскую на Пасео де Реформа, спросил кофе с пирожными. Знаете, что мне принесли? Шоколадные гробики, будь я негр! Меня чуть не стошнило. Просто некрофилия какая-то, причем поголовно. У нас в Штатах, скажем, эту вашу картину никогда бы не купили. Нет, в самом деле, чего это вам вздумалось изобразить покойника?

— Вы «Тристана и Изольду» помните? Он ведь ее не дождался. Она приехала, а он уже мертв. Вот эту сцену я и написал.

— А-а, ну тогда конечно, — согласился Брэдли. — Нет, я про эту парочку не читал. Нет, понимаете, времени — слишком я для этого занят. А выдастся свободный день — тянет на выпивку или на что-нибудь вообще такое... — Брэдли вздохнул и отпил глоток. — Никогда не занимайтесь бизнесом, Бусс, послушайте опытного человека. Бизнес выжимает человека, как апельсин, это самая каторжная работа, будь я негр! Это только со стороны кажется, что бизнесмены живут и наслаждаются жизнью... Понятно, есть и такие — ежедневный гольф, прогулки в Европу, женщины и так далее, но это не настоящие дельцы, это, скорее, просто снобы, которые не делают деньги, а тратят их. Знаете, как живет настоящий бизнесмен? Он ни шиша не знает — ни девчонок, ни хорошей выпивки, никаких там парижей или неаполей. Он работает по восемнадцать часов в сутки, как самый последний черномазый сукин сын, и не видит ничего, кроме своих секретарей и своих телефонов. У него полно долларов, но он даже не может хорошо пожрать, потому что к сорока годам у него уже язва желудка и врачи разрешают ему одну овсянку...

— В самом деле, каторга, — кивнул Жерар, рассеянно наблюдая за танцующими. — Впрочем, вы, Брэдли, не производите впечатления выжатого апельсина. А?

Брэдли пожал плечами:

— Я не веду крупных дел, Бусс. Я представляю некоторые фирмы, но... скорее как служащий, как агент на процентах... а самостоятельных дел я не веду. Поэтому у меня больше свободы, больше возможностей располагать собой. Да и то... Я вам говорю — почитать некогда! Вообще паршиво. Вам, людям свободной профессии, можно только завидовать. Давайте-ка выпьем за людей искусства.

— Мерси.

Они выпили и некоторое время сидели молча, думая каждый о своем. Потом Брэдли нарушил молчание, внезапно рассмеявшись:

— Это я вспомнил о «людях искусства»... У меня есть в Штатах приятель, киношник, работает для «Уорнер бразерз». Вот где обстановочка! Пьют они все как сукины дети. Этот мой приятель

летал в прошлом году на кинофестиваль в Монтевидео — вот, рассказывает, была потеха...

— Это всюду так, более или менее, — зевнул Жерар. — Я, правда, близко с этим народом не общался, но слышать приходилось. Во Франции на киностудиях тоже черт знает что делается.

— Да, эти умеют сочетать приятное с полезным, — посмеялся Брэдли. — И деньги делают, и веселятся в то же время. Но надо сказать, работать наши ребята умеют, не даром получают свои доллары. Вам вообще наши фильмы нравятся?

— Признаться, не особенно.

— Серьезно? Ну, это вы напрасно. Правда, многие жалуются, что у нас фильмы пресные... Но это уж цензура виновата. Вы знаете, у нас на этот счет строго: если артистка снимается в купальном костюме, то он должен быть строго по регламенту. Цензоры тут как тут: чуть на полдюйма короче, сразу тебе хлоп вето — и в преисподнюю. Эти цензоры страшный народ, прямо коммунисты какие-то... Послушайте, Бусс, когда закрывается ваша выставка?

— Завтра.

— О, уже? Отлично... Давайте-ка встретимся с вами послезавтра вечером, у меня будет к вам деловой разговор. Заходите лучше ко мне на дом, там поговорим без помех. Я живу на Санта-Фе, почти на углу Кальяо. Вот, возьмите карточку... Это девятый этаж, квартира «Е»...

2

День спустя, в половине одиннадцатого вечера, Жерар вошел в подъезд нового многоэтажного дома на авеню Санта-Фе. Уже в нижнем вестибюле обстановка непривычной роскоши вызвала у него раздражение. Скрытые в карнизах люминесцентные трубки мягко освещали большой холл, сплошная зеркальная стена еще больше усиливала эффект пространства, под ней, в узком мраморном желобе, росли причудливой формы декоративные кактусы. После уличной бензиновой духоты особенно приятной казалась прохладная свежесть кондиционированного воздуха. Же-

рар мельком взглянул в зеркало, пригладил волосы и, еще раз сверившись с адресом в записной книжке, пошел к лифту.

Бесшумно задвинулась лакированная дверь кабинки, пол плавно нажал на подошвы. Жерар стоял ссутулясь, держа руки в карманах пиджака, и исподлобья смотрел на вспыхивающие над дверью цифры. Он уже ругал себя за то, что принял приглашение Брэдли и явился в этот дом, где все было в глаза показной роскошью. На кой черт ему все это сдалось, в самом деле?.. Мало он еще видел богатых кретинов! А впрочем, кто знает, что он ему предложит... Седьмой... Если он хочет что-нибудь купить... Восьмой, следующий, кажется, его. Одним словом, посмотрим.

Вспыхнула девятка — лифт так же плавно замедлил ход и остановился. Дверь мягко щелкнула и откатилась. Выйдя, Жерар решительным шагом направился к двери, на которой блестела золоченая буква «Е».

Брэдли, одетый по-домашнему, в пестрой гавайской распахшонке, встретил его радушно.

— А-а, Бусс! — воскликнул он. — Как поживаете, старина? Ну и отлично, проходите в ливинг¹, я сейчас похлопочу насчет пойла... Вы знаете, кто-то вылакал у меня весь коньяк, так что если вы не против коктейлей... я сейчас, один момент...

Жерар опустился в низкое кресло и принялся набивать трубку, с любопытством оглядываясь вокруг. Маленькая гостиная была обставлена с тем стандартным комфортом, который свидетельствует только о богатстве, ничего не говоря о вкусах хозяина. Выдержанная в стиле «функциональ» низкая мебель, обитая модной тканью пестрого геометрического рисунка, в углу — большой телевизор с никелированными усиками антенны. На стенах, окрашенных в приятный для глаз бледно-зеленый цвет, — несколько акварелей среднего качества, морские и горные пейзажи. Низкий длинный стеллаж был пуст, если не считать десятка книжек карманного формата в ярких глянцевиных обложках и номера «Лайфа»; на верхней доске валялась кожура апельсина и стоял великолепный «Зенит-Трансконтиненталь» в обтянутом черной кожей футляре. Шкала приемника светилась, но регулятор громкости был прикручен, — очевидно, Брэдли слушал музыку

¹ Гостиная (*англ.* living-room).

до прихода гостя. Раскуривая трубку, Жерар еще раз выругал себя за то, что не отказался от приглашения.

Вошел хозяин с нагруженным подносом в руках. Ногой придвинув к креслу Жерара низкий столик неправильной овальной формы, он расставил на нем бутылки, шейкер для сбивания коктейлей и пластмассовую мисочку со льдом.

— Ну, кажется, все в порядке, — заявил он, швырнув поднос на диван. — Жарко на улице?

— Духота, — поморщился Жерар. — Проклятый климат, никак к нему не привыкну.

— Давно в Аргентине? — поинтересовался Брэдли, придвигая для себя второе кресло.

— Третий год.

— Испанским овладеть успели?

— Вполне... Для французов он легок — те же корни.

— Ясно. А мне вот трудно. У вас, наверное, вдобавок ко всему еще и способности к языкам. Английский где учили?

— В школе, где же еще. А потом — практика во время войны... У нас в отряде был один англичанин, мы с ним друг друга и натаскивали. Сам-то он был филолог, интересовался французским.

— Понятно. Ну а как вам вообще Аргентина?

Жерар сделал неопределенный жест:

— Страна неплохая, если не считать климата...

— Вы правы, климат здесь паскудный, без кондиционированного воздуха не проживешь.

— Проживешь, и еще как. — Жерар усмехнулся. — У меня комнатка под самой крышей — в январе прошлого года по ночам бывало до тридцати градусов, я специально купил термометр. Как видите, еще жив!

Брэдли сочувственно хмыкнул, покачал головой.

— Ничего, это были временные неприятности, — сказал он. — С кем не бывает... Давайте-ка выпьем за ваш успех.

Отложив сигарету, он принялся манипулировать бутылками, с аптекарской точностью отмеривая в шейкер разноцветные жидкости.

— Угощу вас собственным изобретением. — Он подмигнул и, закрыв сосуд, стал трясти, перемешивая содержимое. — Я вообще коктейли не очень... Предпочитаю чистое... Но иногда занят-

но придумать что-нибудь новенькое. Так выставка ваша, значит, закрылась уже... Ясно, ясно. Вы, помнится, говорили, что «Изолюду» удалось продать... За сколько, если не секрет?

Жерар, занятый раскуриванием снова погасшей трубки, молча показал два пальца, пошевелил ими в воздухе.

— Две тысячи песо? Немного... Совсем немного! Вон, возьмите-ка «Лайф» — на полке, рядом с вами. Там репродукция одной картины, называется «Голубое молчание», — продана в Нью-Йорке за полторы тысячи долларов... Тоже с персональной выставки, как и ваша. Долларов, Бусс, понимаете? Вот посчитайте — курс сегодня был двадцать три... Двадцать три плюс одиннадцать пятьсот... Это составляет почти тридцать пять тысяч песо. В семнадцать раз дороже вашей!

Жерар потянулся к стеллажу, взял «Лайф» и, хмурясь, нашел указанную страницу с репродукцией «Голубого молчания». Прочитав сопроводительный текст, он несколько секунд рассматривал картину, потом перевернул журнал вверх ногами, еще посмотрел и пожал плечами.

— Не ново, — сказал он, бросив «Лайф» на место. — Видал я вещи и позаковыристее.

— Это верно, — согласился Брэдли, разливая по стаканам жидкость неопределенного цвета. — Берите, лед добавьте по вкусу... Это верно, есть и позаковыристее. Здесь вообще ничего не разберешь, так что и пугаться нечего, а я вот в прошлом году в Европе был на одной выставке, этих — как они? — суперреалисты, что ли...

— Сюрреалисты.

— Именно. Так там меня, знаете, до холодного пота прошибло, будь я негр. Ваше здоровье, Бусс.

— Мерси, — кивнул Жерар. — Взаимно.

— Знаете, что там было? Например, так: нарисована серая такая плоскость, вроде бетонированной взлетной дорожки, и стоит пара человеческих ступней. Понимаете? Так, приблизительно по циклолотку. И внизу — настоящая ступня: пятка, пальцы, на одном даже мозоль, а выше точно как ботинки — дырочки для шнурков, шнурки развязаны, болтаются, коричневого цвета, как сейчас помню, и внутри пусто. Ну просто стоят на аэродроме чьи-то ботинки, понимаете? И знаете, что самое страшное? Над всей этой

чертовщиной — синее-синее небо, в зените — солнце в состоянии полного затмения, просто темный диск и корона, а от этих проклятых ступней-ботинок — тень на две стороны, вправо и влево...

— Я что-то про эту картину слышал... — пробормотал Жерар.

— Вы знаете, я человек не из пугливых, — продолжал Брэдли, — но тут мне просто не по себе как-то стало. Я даже не знаю, как это назвать, такое чувство... Ну, представьте, ночью в темной комнате в вашем присутствии кто-то бредит... Причем страшно бредит, бред ведь бывает и нестрашный. Так вот что-то похожее я испытал перед этой картиной. Ну вот вы мне скажите, Бусс, как это понимать? Я вам скажу прямо: в искусстве я ни черта не смыслю. Но вы-то должны знать. Что это, вот такие картины, — всерьез это или просто так, чтобы деньги из дураков выжимать?

Жерар неопределенно пожал плечами, вертя в пальцах стакан:

— Сложный вопрос, Брэдли, однозначно тут не ответишь... Художник отражает мир таким, как он его видит. Как правило, это всерьез. Другое дело, что... видение мира может быть искаженным, болезненным...

— Вы-то его видите нормальным?

— Я — да. Но опять-таки — нормальным с моей точки зрения, а является ли это нормой для других?.. Кто знает?

Он снова пожал плечами и, криво усмехнувшись, отпил из стакана.

— Возможно, и не является, — продолжал он, — коль скоро публика предпочитает другое. Понимаете, Брэдли... Сколько бы мы ни утешали себя тем, что современники чаще всего ошибаются в своих оценках, все же первая, спонтанная реакция публики кое-что значит...

Брэдли слушал молча, подкидывая на ладони зажигалку.

— Публика... — сказал он задумчиво. — Наверное, не стоит валить всю публику в одну кучу... Там ведь тоже попадают разные типы. Одни любят современных живописцев, с выкрутасами, а другие... Да и это увлечение модернизмом, должен вам сказать, не очень-то меня убеждает. Это, скорее, погоня за модой. Модно — значит хорошо. В картинах, если говорить всерьез, непричастные к искусству люди обычно не разбираются... Вот и покупают то, что покупают все. Понятно, есть и другие... У меня вот, знаете, здесь много знакомых. В деловом мире, конечно. Очень богатые

люди — по-настоящему богатые, даже в американских масштабах... Ну, у них тоже висит все это модное дерьмо — но где висит? На виду, понимаете? Где люди бывают. Это как вывеска. А на самом деле они, конечно, прекрасно понимают, что все это цента ломаного не стоит. Взять хотя бы старика Руффо — знаете небось, кожевенный король? У него еще здоровенная такая реклама на крыше Эдифисио Вольта, неоновая: «Кожи Руффо — лучшие в мире»...

— Ну видал. Так что?

— Просто вспомнил, — усмехнулся Брэдли. — У него одна из лучших коллекций Сальвадора Дейли.

— Дали, — хмуро поправил Жерар.

— Ладно, пускай так, вы вообще на мое произношение плюньте, я оксфордов не кончал. Так я говорю, у него коллекция одна из лучших, и все подлинники. А сам старик мне жаловался: я, говорит, когда мимо прохожу, глаза зажмуриваю... Погодите-ка, что-то наши стаканы пустуют...

Жерар, хмурясь и попыхивая трубкой, молча следил за ловкими движениями волосатых рук своего нового знакомого. Руки ему не нравились — мясистые и короткопалые, уж он-то, как художник, знал толк в руках. А сам Брэдли? Черт его разберет... Так, ни рыба ни мясо, типичный нувориш. Вроде добродушный, а вообще кто его знает.

— Мерси, — кивнул он, принимая стакан. — Так что вы начали рассказывать об этом Руффо?

— Ваше здоровье... Да, так я говорю — для людей он держит этого Сальвадора, а у самого в спальне на самом видном месте висит тициановская «Даная», и копия-то довольно посредственная. Вот вам и любовь к модернизму. Небось Пикассо какого-нибудь не повесил, хе-хе-хе! У него вообще много там картин, старые мастера, и все на такую тему... Разные Венеры, Леды, Сусанны, потом там еще Европа на быке и эта, как ее, с облаком...

— Ио, что ли?

— Именно. Нимфа Ио, Юпитер там в виде облака... Ловкий был парень этот Юп, — засмеялся Брэдли, — вот уж действительно умел подходить к девчонкам... Ну ладно, не в том дело. Так что, видите... Искусство есть искусство, как его ни перелицовывай.

Конечно, за модой люди гоняются, это верно. У меня вот племянница в Штатах, в Кентукки... Так к ним как ни приедешь — она всякий раз уже по-новому. То у нее юбка до колен, то чуть ли не до полу, а этим летом заехал — так она гостей принимает в теннисных штанишках, вот до сих пор, будь я негр. И все ее подружки так, а парни — в синих рабочих брюках, фуфайки на них бейсбольные и головы под машинку острижены — как каторжники, страшное дело. Мода, говорят, ничего не поделаешь! А вас мне жалко, Бусс... Черт возьми, с вашим талантом можно было бы...

— Ладно, Брэдли, — грубо сказал Жерар, — сентименты можете оставить при себе. До сих пор я не подох, — надо полагать, не подохну и впредь.

— Подыхать вам ни к чему... Вам жить надо — вот в чем штука. Подохнуть — это легче всего, Бусс, это никогда не поздно. Согласны?

— Я не люблю прописных истин, Брэдли. Вы, кажется, пригласили меня по какому-то делу? Выкладывайте, чего зря болтать.

— Дело... — смутился Брэдли. — Видите ли, Бусс, дело есть, тут вы попали в точку... Только я не знаю, как за него взяться... Черт, не гожусь я для таких поручений, будь я негр...

Жерар поднял брови:

— У вас ко мне поручение? От кого?

— Да... Точнее, не именно к вам, а вообще... Но это предложение я могу сделать вам, потому что... Прежде всего вот что, Бусс. Говоря откровенно, вы верите в возможность того, что я, увидя вас, просто захотел вам помочь? Просто помочь — честно, безо всякой для меня выгоды...

— В принципе, — Жерар пожал плечами, — допустим.

— Так вот, я хочу, чтобы вы поверили в мою искренность. Нам, американцам, обычно никто не верит... Слишком уж наши политики нагадили по всем пяти континентам, что тут скрывать. Но я не политик — я просто бизнесмен и человек со связями и средствами. Нам иногда приходит в голову такое желание, вы знаете... Всякие там карнеги или рокфеллеры — те основывают музеи, университетские фонды, стипендии и всякую такую штуку, я этого, понятно, не могу — не те возможности. Но помочь одному-другому — это дело другое... В частном порядке, так сказать.

Видите ли... Я просто мог бы предложить вам денег. Но вы бы их не взяли. Верно?

— Верно, — ответил Жерар, снова набивая трубку. — Вы чертовски догадливы, Аллан.

— Я так сразу и понял. Это все ваша проклятая европейская гордость, но вообще вы правы. Принимать подачки вам не к лицу, да и ни к чему, вы и без них проживете. Поэтому я решил предложить вам дело другого рода... Только давайте договоримся — вы меня выслушаете спокойно, и если у вас появится желание дать мне в морду, постарайтесь от этого воздержаться.

— Ладно, — засмеялся Жерар, — удержусь. Я уже давно чувствую, что вы хотите подъехать ко мне с какой-то пакостью.

— Да, по сути дела, это пакость, — серьезно согласился Брэд-ли. — Видит небо, мне это предложение не по душе и самому, но в данный момент я просто не вижу другой возможности вам помочь. Сейчас я расскажу вам, в чем дело, но только еще раз прошу верить в полную мою незаинтересованность во всей этой истории...

Он торопливо допил свой коктейль и подался вперед в кресле, соединив концы растопыренных пальцев.

— Я исхожу только из желания вам помочь. Вы и сами сейчас увидите, что никакой возможности заработать здесь у меня нет. Вы помните, я рассказал вам о вкусах старика Руффо в отношении картин?

— Ну, — кивнул Жерар, окутываясь дымом, — Леды, Сусанны... Вкус, довольно распространенный в его возрасте.

— Дело в том, что когда-то он был большим бабником. Да и сейчас остался, но главным образом платонически — годы не те, да и здоровье не позволяет. Остается одно — посмотреть на хорошую картину. Но те, что у него висят, его как-то... не удовлетворяют. В конце концов, все это старье можно увидеть в любом музее. Да и стандарт женской красоты был тогда несколько иной, не правда ли? В конце концов, все эти старинные красотки слишком уж смахивают на упитанные тушки с реклам Свифта — сплошной бекон, никакой линии... Ну а старик злится, он ведь, между нами говоря, в этом толк понимает. Ему хочется увидеть что-нибудь такое, знаете... чтобы по-настоящему дух захватывало. Чтобы и фигурка была как у Мэрилин Монро, и вообще все...

Как это вы называете, композиция? Чтобы и вся композиция картины была бы такой... Ну, вы понимаете, не слишком пуританской...

Жерар, уже сообразивший, в чем дело, смотрел на Брэдли с изумлением.

— Слушайте, Аллан, — сказал он, — можете не продолжать, я уже...

— Стоп, — прервал его тот, — наберитесь терпения, Бусс. Вы, я вижу, уже догадались — тем лучше. Одним словом, дон Ансельмо просил меня подыскать ему хорошего художника — именно художника, не какого-нибудь соплика из модернистов, — который согласился бы написать с полдюжины таких картин для его галереи. Так. Что касается цены, то вы сами понимаете — Руффо может позволить себе платить по-настоящему хорошо — скажем, в пределах от пятнадцати до двадцати тысяч за полотно, разумеется в местной валюте. Но, я считаю, и это неплохо? И потом, учтите, что тут важно понравиться; попадете в точку — и уже в дальнейшем цены диктовать будете вы, не он. Вот мое предложение, Бусс. Вернее, предложение дона Ансельмо Руффо...

Брэдли облегченно замолчал. Жерар продолжал смотреть на него с тем же выражением.

— Послушайте, — сказал он наконец, пожав плечами, — черт возьми... Неужели вы и впрямь могли подумать, что я пойду на такое? Вы производите впечатление разумного человека и вдруг преспокойно заявляете мне в глаза такую штуку. Тут даже не приходится искать каких-то мотивировок для отказа, вы ведь понимаете. Вы ведь не ребенок, чтобы я поучал вас, что можно делать и что нельзя...

— Минутку, Бусс, — перебил его Брэдли, предостерегающе подняв руку. — Вы недавно сказали, что не любите прописных истин. Верно? В таком случае оставьте их при себе. Я заранее знаю все, что вы мне сейчас скажете, и все это будут именно прописные истины, будь я негр. Давайте обойдемся без них, вы совершенно верно заметили, что я уже не ребенок. Мне пятьдесят лет, вам около тридцати, так что мы оба разумные люди, причем я несколько разумнее вас. Не обижайтесь, я имею в виду жизненный опыт и так далее. Так вот. Повторяю, вы мне ничего нового не скажете — этические нормы, общественный долг служителя

ЮРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ СЛЕПУХИН
У ЧЕРТЫ ЗАКАТА

•
СТУПИ ЗА ОГРАДУ

Ответственный редактор Оксана Прилежаева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Светлана Федорова, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 20.05.2026.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5000 экз.
Усл. печ. л. 53,9. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербург, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-ARL-40175-01-R